

The background of the cover is a soft, warm-toned illustration of a beach scene at sunset or sunrise. In the center, a woman with long, dark, wavy hair and a gentle smile stands facing forward. She is wearing a white, low-cut halter top with a bow at the waist and a black skirt. To her left, a man in a tan t-shirt, shorts, and a bucket hat stands with a backpack, holding a white coffee cup on a black tray. To her right, another man in a light blue button-down shirt (unbuttoned at the collar), shorts, and a fedora-style hat stands with a camera hanging from his neck. The overall mood is romantic and vacation-themed.

МАГИССА

СЛУЧАЙ
В СССР
КРЫМЧАНКА
ДЛЯ 2 ТУРИСТОВ

Магисса - Крымчанка для Двух Туристов

<https://litres.ru/74350714>

Аннотация

ОЧЕНЬ ОТКРОВЕННО!! Первые 3 дня мини бесплатно!
Подпишись, чтобы не пропустить новинки! ♥#

«Я сказала... что не хочу выбирать», – повторила я, чувствуя, как краска заливает мое лицо, но уже не в силах остановиться. – «Вы... вы оба мне нравитесь. По-разному. Но... сильно. И я... я не знаю, что с этим делать».

Молчание, которое последовало за моими словами, было таким густым, что его можно было резать ножом. Я видела, как ходят желваки на скулах у Венцеслава, как сжимаются кулаки у Романа. Я думала, что сейчас они либо набросятся друг на друга, либо просто развернутся и уйдут, оставив меня одну с моим безумным, постыдным признанием.

Но тут Роман сделал то, чего я никак не могла ожидать. Он шагнул ко мне, его лицо было бледным, но решительным. Он взял мою руку и посмотрел мне в глаза.

«Тогда... тогда не выбирай, Эсма», – сказал он тихо, но твердо. – «Возьми нас обоих. Прямо здесь. Прямо сейчас».

Содержание

Глава 1. Знакомство	4
Глава 2. Лунная Соната	16
Глава 3. Дикий Мёд	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Глава 1. Знакомство

Солнце в Ялте – это не просто небесное тело, это характер, это настроение, это назойливый любовник, который будит тебя на рассвете слишком жаркими поцелуями и не отпускает до самого вечера, пока море, уставшее от его дневных объятий, не поглотит его в своих прохладных, лиловых волнах.

Я, Эсмירה, или просто Эсма для тех, кто успевал запомнить мое имя за две недели отпуска, знала это солнце как свои пять пальцев, как каждую трещинку на старых каменных плитах набережной, где я проводила свои дни, разнося лимонад и чебуреки в летнем кафе «Бриз».

Мне было двадцать три, и моя жизнь пахла морем, жареным луком и сладкой ватой – смесь, от которой к концу августа начинало мутить, но которая, как ни странно, и была моей сутью.

Брюнетка с глазами, как говорили приезжие поэты, «цвета спелого кишмиша», и фигурой, которую море, казалось, само вылепило, не скупясь на изгибы. Я была частью этого курортного пейзажа, таким же непременным атрибутом, как кипарисы, вонзающиеся в бирюзовое небо, или ленивые кошки, дремлющие в тени магнолий.

Но внутри, за дежурной улыбкой и быстрыми, отточенными движениями, жила другая Эсма – та, что читала по ночам

запрещенного Булгакова, мечтала о Париже, который видела только на выцветших открытках, и ждала... чего-то. Чего-то большего, чем мимолетные курортные романы, оставляющие после себя лишь привкус соли на губах да пустые обещания писать письма.

Кафе наше, «Бриз», было крошечным, открытым всем ветрам и взглядам. Плетеные стулья, выцветшие от солнца скатерти в синюю клетку и вечный гул голосов – смесь русского, украинского, иногда даже робкого немецкого или польского.

Я двигалась между столиками, как челнок, ловя заказы, улыбаясь, кокетничая ровно настолько, чтобы получить щедрые чаевые, но не настолько, чтобы дать ложную надежду. Я научилась читать мужчин по глазам, по жестам, по тому, как они заказывали пиво – с ленивой вальяжностью или с голодным блеском, оценивающим не только пенную шапку, но и изгиб моей талии, когда я наклонялась забрать пустые кружки.

Этот день ничем не отличался от сотен других. Жара плавила асфальт, цикады надрывались в кипарисах, а я, сбиваясь с ног, пыталась угодить всем.

Очередная партия «отдыхающих» – семейство с тремя шумными детьми, парочка интеллигентов в панамах, громко спорящих о Хемингуэе, и несколько одиноких мужчин, ищущих если не любви, то хотя бы прохлады и дешевого пива. Я уже почти не обращала внимания на лица, они сливались в

одно размытое пятно курортной толпы.

И тут вошли они.

Словно кто-то резко сменил пластинку с заезженной «Шаланды, полные кефали» на что-то тревожно-волнующее, почти джазовое. Их было двое, и они разительно отличались от всех, кого я видела этим летом. Не крикливой яркостью одежды, нет, одеты они были просто, по-летнему. Но в них была какая-то порода, какая-то внутренняя стать, которая заставляла обернуться.

Первый, тот, что шел чуть впереди, был высок, строен, с копной темно-русых волос, небрежно спадающих на лоб, и глазами цвета грозового неба перед дождем – серыми, с пронзительной синевой в глубине. Он двигался плавно, с какой-то скрытой грацией, и когда он улыбнулся мне, просто кивнув в знак приветствия, я почувствовала, как по спине пробежал легкий озноб, несмотря на тридцатиградусную жару.

В его улыбке не было ни грамма пошлости, только вежливое любопытство и что-то еще, неуловимо-печальное, что делало его лицо особенно притягательным. На нем была простая белая рубашка с закатанными рукавами, открывающая тонкие, но сильные запястья, и светлые льняные брюки. Венцеслав, – мелькнуло у меня в голове какое-то старинное, почти забытое имя, совершенно не вяжущееся с советской действительностью.

Второй был его полной противоположностью. Широко-

плечий, крепко сбитый, с коротко стриженными каштановыми волосами, выгоревшими на солнце до рыжины, и открытым, чуть насмешливым взглядом карих, почти медовых глаз. Он буквально излучал энергию, какую-то первобытную силу, и когда он громко рассмеялся какой-то своей шутке, которую я не расслышала, мне показалось, что даже пыльные листья фикуса в углу кафе на мгновение ожили.

От него пахло солнцем, ветром и чем-то еще, неуловимо-мужским, что заставляло сердце биться чаще. Роман, – пронеслось в голове, и это имя ему удивительно шло. Сильное, уверенное, земное.

Они выбрали столик в самом углу, под старой плакучей ивой, чьи ветви создавали иллюзию уединения. Я подошла, стараясь сохранить невозмутимый вид, хотя внутри все трепетало от непонятого предчувствия.

«Добрый день. Что будете заказывать?» – голос мой прозвучал на удивление ровно.

Первый, Венцеслав, поднял на меня свои удивительные глаза. «Добрый. Нам бы чего-нибудь холодного, освежающего. Квасу, если есть хороший. И, может быть... вашего совета? Что у вас здесь самое вкусное, из местного?» Его голос был низким, бархатным, обволакивающим.

«Квас отменный, бочковой, только утром привезли», – улыбнулась я. – «А из местного... чебуреки у нас хвалят. С пылу с жару. С мясом, с сыром, с зеленью».

«Звучит соблазнительно», – он снова улыбнулся, и в угол-

ках его глаз собрались тонкие лучики морщин. «Тогда два кваса и... три чебурека с мясом. Мы голодные, как волки после долгой дороги».

Роман, до этого молча разглядывавший проходящих мимо девушек, повернулся ко мне. «А для такой красавицы, как вы, у вас есть что-нибудь особенное в меню?» – его взгляд был прямым, оценивающим, но без наглости, скорее, с дружелюбным любопытством.

Я почувствовала, как краска заливает щеки. Compliments я слышала часто, но этот, от него, прозвучал как-то особенному. «Для всех гостей у нас одинаково вкусная еда и радушный прием», – нашла я, стараясь не выдать своего смущения.

«Жаль», – усмехнулся он. – «А я уж было понадеялся на эксклюзив».

Я быстро записала заказ и поспешила к стойке, чувствуя на спине их взгляды. Два таких разных взгляда. Один – изумляющий, интеллигентный, с легкой грустинкой. Другой – прямой, почти хищный, полный жизненной силы. И оба – невероятно притягательные.

Пока я ждала, когда приготовятся чебуреки, я украдкой наблюдала за ними. Они о чем-то негромко разговаривали, смеялись. Венцеслав жестикулировал плавно, его руки с длинными, тонкими пальцами казались руками художника или музыканта. Роман, наоборот, говорил энергично, его жесты были широкими, уверенными. Они были как лед и пла-

мень, как поэзия и проза, и эта их непохожесть, эта их странная гармония завораживала.

Когда я принесла им заказ, Венцеслав снова одарил меня своей обезоруживающей улыбкой.

«Спасибо, Эсмира. У вас очень красивое имя».

Я замерла. Откуда он знает мое имя? Бейджика у меня не было.

Он, заметив мое удивление, пояснил: «Я слышал, как вас позвала ваша коллега. Простите, если это прозвучало фамильярно».

«Ничего страшного», – пролепетала я, чувствуя, как сердце снова забилось чаще. Он был наблюдателен. И внимателен. Это подкупало.

Роман же, откусив огромный кусок чебурека, так что сок брызнул ему на подбородок, промычал с набитым ртом: «М-м-м, а чебуреки и вправду божественные! Эсма, вы просто волшебница!»

Я невольно рассмеялась. Он был таким непосредственным, таким искренним в своем восторге, что это обезоруживало.

Они не спешили. Пили квас, ели чебуреки, о чем-то спорили, потом снова смеялись. Я старалась не смотреть в их сторону слишком часто, но чувствовала их присутствие каждой клеточкой своего тела. Словно в душный, застоявшийся воздух летнего кафе ворвался свежий, соленый ветер, принесший с собой запах дальних странствий и неведомых при-

ключений.

Когда они уходили, расплатившись и оставив на удивление щедрые чаевые, Роман, проходя мимо меня, чуть задержался. «Спасибо за обед, Эсма. Надеюсь, это не последняя наша встреча». Он подмигнул мне и вышел вслед за Венцеславом.

Я осталась стоять, провожая их взглядом, и чувствовала, как во мне просыпается что-то давно забытое, какое-то почти девчоночье волнение, предвкушение чего-то необычного. Кто они? Откуда? Надолго ли здесь? Вопросы роились в моей голове, но ответа на них не было. Было только это странное, щемящее чувство, что их появление в моей жизни – не случайно.

Остаток дня прошел как в тумане. Я машинально обслуживала клиентов, улыбалась, но мыслями была далеко. Перед глазами стояли то серые, с синевой, глаза Венцеслава, то озорные, медовые – Романа. Я пыталась отогнать эти мысли, убедить себя, что это просто очередные курортники, которые завтра же забудут и меня, и мои чебуреки. Но что-то внутри сопротивлялось, шептало, что эти двое – другие.

Вечером, после смены, я, как обычно, пошла прогуляться по набережной. Летний вечер в Ялте – это особое состояние души. Воздух, напоенный ароматами цветущих олеандров и жасмина, смешивался с соленым дыханием моря. Музыка лилась из каждого открытого окна, из каждой танцплощадки. Смех, разговоры, стук каблучков по брусчатке, шепот

влюбленных на скамейках. Я любила эту атмосферу праздника, эту иллюзию вечного лета и беззаботности.

Я шла медленно, наслаждаясь прохладой, вдыхая полной грудью этот пьянящий коктейль запахов и звуков. На мне было мое любимое ситцевое платье в мелкий цветочек, подчеркивающее загар и фигуру, волосы я распустила, и они тяжелыми волнами спадали на плечи. Я чувствовала себя красивой, желанной, и это ощущение придавало мне уверенности.

И тут я увидела их. Они стояли у парапета, глядя на море, где уже начинал свой танец лунный свет, прокладывая серебряную дорожку к горизонту. Венцеслав что-то говорил, указывая рукой вдаль, а Роман слушал, засунув руки в карманы легких брюк.

Сердце мое сделало кульбит и замерло. Случайность? Или...

Я хотела пройти мимо, сделать вид, что не заметила их. Но Роман обернулся, словно почувствовав мой взгляд. Его лицо осветилось широкой, радостной улыбкой.

«Эсма! Какая встреча! А мы как раз вспоминали ваши волшебные чебуреки и гадали, увидим ли мы еще эту удивительную официантку».

Венцеслав тоже обернулся. Его улыбка была более сдержанной, но от этого не менее теплой. «Добрый вечер, Эсмистра. Вы сегодня особенно прекрасны. Этот вечерний бриз вам очень к лицу».

Я снова покраснела. Ну что за напасть! Рядом с ними я

чувствовала себя неопытной школьницей, а не хозяйкой курортного кафе, привыкшей к мужскому вниманию.

«Добрый вечер», – ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. – «Просто гуляю после работы. Наслаждаюсь вечером».

«А не составите нам компанию?» – предложил Роман, его глаза блестели озорством. – «Мы тут пытаемся постичь всю глубину крымской романтики, но без проводника из местных нам явно не справиться. Покажете нам свои любимые места? Обещаем не докучать банальными вопросами и вести себя прилично. Ну, почти». Он снова подмигнул.

Венцеслав чуть толкнул его локтем. «Роман, не пугайте девушку своим сибирским напором. Эсмира, если у вас есть время и желание, мы были бы очень рады вашей компании. Просто прогуляться, поболтать. Без всяких обязательств».

Его голос звучал так убедительно, так деликатно, что отказаться было невозможно. Да и, если честно, я и не хотела отказываться. Что-то неудержимо влекло меня к этим двум мужчинам, таким разным и таким... интригующим.

«Почему бы и нет?» – улыбнулась я. – «Время у меня есть. А Ялта вечером действительно прекрасна».

И мы пошли. Втроем. Я – посередине, они – по бокам. Я чувствовала себя немного странно, словно оказалась в центре какого-то невидимого силового поля.

Слева – спокойная, интеллигентная аура Венцеслава, его тихий голос, рассказывающий о своих впечатлениях от архи-

тектуры старой Ялты, его случайные, почти невесомые прикосновения, когда он пропускал меня вперед или помогал обойти лужу.

Справа – бьющая через край энергия Романа, его громкий смех, его шутки, иногда на грани фола, его рука, то и дело лежащая мне на талию, когда он увлекал меня за собой, чтобы показать какую-нибудь особенно живописную группу отдыхающих или смешную вывеску.

Я ловила на себе любопытные взгляды прохожих. Еще бы! Такая эффектная пара мужчин рядом с местной девушкой. Наверное, многие думали, что я очередная «охотница» за столичными женихами. Но мне было все равно. Я наслаждалась этим моментом, этим странным, волнующим ощущением, что я нравлюсь им обоим. И что они оба нравятся мне.

Мы гуляли долго. Они рассказывали о себе – Венцеслав оказался архитектором из Ленинграда, приехавшим в Крым за вдохновением и отдыхом от северной сырости. Роман – геологом из далекой Тюмени, который после тяжелой экспедиции решил «оторваться по полной» на южном побережье. Они были друзьями с институтской скамьи, несмотря на полную противоположность характеров.

Я тоже немного рассказала о себе – о своей работе, о своих мечтах, о своей любви к этому городу, который был для меня одновременно и тюрьмой, и раем. Они слушали внимательно, не перебивая, задавая умные, тактичные вопросы. Я чувствовала, что им действительно интересно, что они видят

во мне не просто симпатичную официантку, а личность.

Когда мы дошли до самого конца набережной, где начался дикий пляж, и волны с тихим шелестом набегали на гальку, Роман неожиданно предложил: «А давайте искупаться! Вода, наверное, как парное молоко. И никого вокруг!»

Я растерялась. Купаться ночью... Да еще с двумя почти незнакомыми мужчинами... Это было слишком смело даже для меня.

Венцеслав, заметив мое смущение, мягко сказал: «Рома, ты как всегда, с места в карьер. Эсмира, не обращайтесь внимания, это у него профессиональное – сначала найти приключение, а потом думать о последствиях».

«А что такого?» – не унимался Роман. – «Ночь, море, звезды... Чем не романтика? Или вы, Эсма, боитесь простудиться?» В его голосе звучал вызов.

Я посмотрела на темную, манящую воду, на мерцающие звезды, на их освещенные луной лица. И во мне проснулся какой-то азарт, какая-то отчаянная смелость. А почему бы и нет? Когда еще представится такая возможность? Жизнь одна, и она так коротка.

«А я и не боюсь», – улыбнулась я, скидывая с ног босоножки. – «Только у меня купальника с собой нет».

Роман расхохотался. «Так это же самое интересное! Натуризм, Эсма, слышали о таком? Единение с природой!»

Венцеслав покачал головой, но в его глазах я увидела смешинки. «Я, пожалуй, воздержусь от столь радикальных форм

единения. Но за компанию посижу на берегу, постерегу ваши вещи. И полюбуюсь на вас издали». Его взгляд задержался на мне, и я почувствовала, как по коже снова пробежали мурашки.

Что-то дрогнуло внутри. Предложение Романа было дерзким, почти шокирующим, но взгляд Венцеслава, его тихая поддержка, его обещание «полюбоваться» – все это создавало невероятную, почти осязаемую волну напряжения.

Я стояла на пороге чего-то запретного, волнующего, и это одновременно пугало и пьянило. Двое мужчин, одна ночь, одно море. И я, Эсмيرا, внезапно осознавшая, что это лето обещает быть совсем не таким, как все предыдущие. Оно пахло не только солью и чебуреками, но и приключениями, страстью и, возможно, чем-то еще, чему я пока не знала имени.

Глава 2. Лунная Соната

Ночь после того смелого, почти безумного предложения Романа окутала меня не столько сном, сколько беспокойной дремой, сотканной из обрывков мыслей и неожиданных приливов жара. Исккупаться нагишом? С ними?

Часть меня, та самая Эсма, что зачитывалась до дыр вольнодумными стихами и мечтала о бунтарских поступках, шептала: «Почему бы и нет? Когда еще, если не сейчас?». Но другая, воспитанная в строгости крымско-татарских традиций, пусть и сильно разбавленных советской действительностью, сжималась от ужаса и стыда.

Венцеслав, с его обещанием «полюбоваться издали», казался в этой ситуации не столько сдерживающим фактором, сколько катализатором, его спокойное одобрение придавало всей затее оттенок изысканного, почти артистического порока.

Утро встретило меня головной болью и странным ощущением незавершенности. Вчерашний вечер оборвался на такой высокой, звенящей ноте, что сегодняшний день казался пресным, как недосоленный суп.

Явившись в «Бриз» чуть раньше обычного, я механически протирала столики, когда увидела его. Венцеслав. Он сидел за тем же угловым столиком под ивой, один, и задумчиво смотрел на море, которое сегодня было беспокойным, свин-

цово-серым, точь-в-точь как его глаза вчера. Рядом с ним на стуле лежал небольшой этюдник и коробка с красками.

Он поднял голову, когда я подошла, и легкая, чуть виноватая улыбка тронула его губы. «Эсмира, доброе утро. Простите за вчерашнее... Рома иногда бывает слишком прямолинеен. Надеюсь, мы вас не слишком смутили?»

«Доброе утро, Венцеслав», – я постаралась улыбнуться как можно беззаботнее. – «Вовсе нет. Ялта – город сюрпризов. Я привыкла». Хотя это была чистейшая ложь. К таким сюрпризам я точно не привыкла.

«Тем не менее, я хотел бы... загладить вчерашнюю некоторую неловкость», – он замялся, и я впервые увидела на его лице тень смущения. Это делало его еще более привлекательным. «Я собирался сегодня немного порисовать в Воронцовском парке. Там есть совершенно удивительные уголки, нетронутые толпами туристов. Если у вас будет свободное время после работы, я был бы счастлив показать их вам. И, может быть, вы позволите мне сделать пару набросков? У вас очень... выразительное лицо. Свет и тень играют на нем так, что хочется немедленно взяться за кисть».

Мое сердце пропустило удар. Воронцовский парк... наброски... Это было так не похоже на обычные курортные предложения «прогуляться по набережной» или «посидеть в ресторане». В его словах не было и намека на пошлость, только искренний интерес художника и... что-то еще, более глубокое, личное, что заставляло кровь быстрее бежать по

жилам.

«Я заканчиваю сегодня пораньше», – ответила я, чувствуя, как голос слегка дрожит. – «И я очень люблю Воронцовский парк. Особенно его старую, заброшенную часть».

«Тогда решено», – его глаза потеплели. – «Я буду ждать вас у главного входа в четыре. И, пожалуйста, не думайте, что это какая-то уловка. Просто... мне кажется, нам есть о чем поговорить. И на что посмотреть». Последние слова он произнес тише, с какой-то особой интонацией, от которой у меня по спине снова пробежал озноб.

Ровно в четыре я стояла у массивных чугунных ворот парка, чувствуя себя так, словно иду на тайное свидание, от которого зависит вся моя дальнейшая судьба. Я надела свое лучшее платье – легкое, из кремового батиста, с тонким кожаным ремешком на талии, и распустила волосы, которые после утреннего купания в море слегка вились, обрамляя лицо мягкими прядями.

Венцеслав уже ждал меня, перекинув через плечо ремень этюдника. Он был одет просто, но элегантно – светлая рубашка, темные брюки, удобные сандалии. От него пахло свежестью, хорошим табаком и едва уловимым ароматом скипидара – запах, который с этого дня стал для меня символом чего-то волнующего и запретного.

«Вы пришли», – улыбнулся он, и в его глазах я снова увидела ту легкую, меланхоличную искорку. – «Я рад. Пойдемте, я знаю здесь одно место... Словно время там остано-

лось лет сто назад».

Мы миновали шумные центральные аллеи с их неизменными лотками с мороженым и сувенирами, и углубились в ту часть парка, где вековые деревья смыкали свои кроны, создавая таинственный полумрак, а вместо ровных дорожек были едва заметные тропинки, поросшие мхом. Воздух здесь был другим – густым, прохладным, пахнувшим прелой листвой, сырой землей и какими-то неведомыми цветами. Тишину нарушали только наши шаги да пение птиц.

Венцеслав вел меня уверенно, словно бывал здесь сотни раз. Он рассказывал об истории парка, о его создателях, о легендах, связанных с каждым гротом, с каждым старым дубом. Его голос лился плавно, убаюкивающе, и я слушала, затаив дыхание, боясь пропустить хоть слово. Он говорил не как экскурсовод, а как человек, влюбленный в это место, чувствующий его душу.

Иногда он останавливался, указывая мне на игру света на старой, позеленевшей от времени скульптуре, на причудливый изгиб ветви, на редкий цветок, пробившийся сквозь камни. И я начинала видеть парк его глазами – не просто нагромождение деревьев и камней, а живой, дышащий организм, полный скрытой красоты и тайны.

Мы вышли к небольшому, почти высохшему пруду, заросшему кувшинками. На берегу, под плакучей ивой, стояла полуразрушенная мраморная скамья. «Вот оно, это место», – сказал Венцеслав тихо. – «Здесь я люблю сидеть и думать».

Или просто молчать».

Он расставил этюдник, достал альбом, карандаши. «Можно?» — он посмотрел на меня вопросительно. Я кивнула, чувствуя, как сердце начинает биться чаще от предвкушения.

Я села на скамью, стараясь принять непринужденную позу, хотя внутри все сжималось от волнения. Венцеслав расположился напротив, и его карандаш забегал по бумаге. Я смотрела на его сосредоточенное лицо, на то, как он хмурил брови, как прикусывал кончик карандаша, как его глаза, то серые, то синие, внимательно изучали меня, словно пытаюсь проникнуть в самую душу.

И мне вдруг стало так спокойно, так хорошо, как не было уже очень давно. словно я нашла свою тихую гавань в этом бурном, непредсказуемом мире. Я забыла о работе, о своих проблемах, о том, что завтра снова наступит обычный день. Были только я, он и эта волшебная тишина, нарушаемая лишь шелестом его карандаша по бумаге.

Он рисовал долго, почти не говоря ни слова. Иногда только просил повернуть голову, чуть наклонить, улыбнуться. И я послушно выполняла его просьбы, чувствуя себя глиной в руках искусного мастера.

Когда он закончил, солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в нежные, акварельные тона. Венцеслав протянул мне альбом. Я заглянула и ахнула. С листа на меня смотрела я — но какая-то другая, незнакомая. В его рисунке я была не просто симпатичной девушкой, а какой-то лесной ним-

фой, загадочной, чуть печальной, с глазами, полными света и потаенной мудрости.

«Это... это я?» – прошептала я, не веря своим глазам.

«Это то, что я увидел», – улыбнулся он. – «В вас столько разного, Эмира. Столько глубины, столько нераскрытой красоты. Вы как этот парк – чем дальше заходишь, тем больше открываешь».

Его слова коснулись моего сердца, как теплый летний дождь. Никто еще не говорил мне ничего подобного. Никто не видел во мне столько...

Мы сидели молча, глядя, как последние лучи солнца золотили верхушки деревьев. Воздух стал прохладным, запахло вечерней сыростью.

«Пора идти», – сказал Венцеслав, собирая свои вещи. – «Скоро совсем стемнеет. Я провожу вас».

Обратная дорога показалась мне еще короче. Мы шли рядом, почти касаясь друг друга плечами, и это молчаливое соседство было красноречивее любых слов. Я чувствовала, как между нами нарастает какое-то напряжение, какая-то невысказанная нежность, которая одновременно и пугала, и притягивала.

Когда мы вышли из парка, на Ялту уже опустились густые южные сумерки. Зажглись фонари, набережная снова наполнилась гулом голосов и музыкой. Но для меня мир изменился. Он стал глубже, ярче, многограннее.

У калитки моего дома Венцеслав задержался. Взял мою

руку, и его пальцы, прохладные, чуть шершавые от карандашной пыли, легко сжали мои.

«Спасибо за этот вечер, Эмира», – сказал он тихо, его глаза в полумраке казались особенно глубокими, бездонными. – «Это было... очень важно для меня».

«И для меня тоже, Венцеслав», – ответила я, чувствуя, как его прикосновение обжигает мою кожу.

Он помолчал, словно собираясь с духом, потом чуть наклонился, и его губы коснулись моих. Это был не поцелуй, а скорее, дыхание, легкое, как прикосновение крыла бабочки. Но от этого прикосновения по всему моему телу прошла дрожь, такая сильная, что я испугалась, как бы он ее не заметил.

Он отстранился, но продолжал держать мою руку. «Эмира...» – начал он, и в его голосе я услышала какую-то новую, незнакомую мне нотку, – «Я... я хотел бы...»

И тут он замолчал, словно не решаясь произнести то, что хотел. Я смотрела на него, затаив дыхание, и чувствовала, как мое сердце готово выпрыгнуть из груди.

А потом он снова наклонился, и на этот раз его поцелуй был другим. Настойчивым, глубоким, влекущим. Его губы, мягкие, но требовательные, исследовали мои, пробуждая во мне какие-то древние, первобытные инстинкты. Его рука переместилась с моей ладони на талию, прижимая меня к себе, и я почувствовала, как его тело напряглось, как его дыхание стало прерывистым.

Я ответила ему – сначала робко, неуверенно, потом все смелее, все отчаяннее. Мои руки сами собой обвились вокруг его шеи, пальцы зарылись в его густые, мягкие волосы. Мир сузился до этого поцелуя, до этого мгновения, когда не было ничего, кроме наших губ, наших тел, наших бьющихся в унисон сердец.

Он оторвался от меня, тяжело дыша, его глаза горели темным огнем. «Пойдем... пойдем куда-нибудь, где нас никто не увидит», – прошептал он, его голос был хриплым от волнения. – «Я больше не могу...»

Я не знала, что ответить. Голова кружилась, ноги подкашивались. Я должна была сказать «нет», должна была убежать, спрятаться. Но я не могла. Какая-то неведомая сила влекла меня к нему, обещала что-то запретное, но такое желанное.

«Я знаю одно место», – прошептала я, сама не веря своим словам. – «Недалеко отсюда. Маленький пляж, почти дикий. Ночью там никого не бывает».

Он снова взял мою руку, и мы пошли. Вернее, почти побежали, словно боясь, что кто-то или что-то помешает нам, разрушит это хрупкое, почти нереальное волшебство.

Пляж действительно был пустынным. Только луна, огромная, желтая, как головка сыра, лениво качалась на темной воде, да редкие звезды подмигивали нам с высокого, бархатного неба. Шум прибоя, тихий, убаюкивающий, был единственной музыкой этой ночи.

Венцеслав расстелил на гальке свою куртку, и мы сели, прижавшись друг к другу. Он обнял меня за плечи, и я положила голову ему на грудь, слушая, как сильно бьется его сердце. Мы долго молчали, и в этой тишине было больше смысла, чем в словах.

Потом он повернул мое лицо к себе и снова начал целовать – нежно, трепетно, словно боясь меня спугнуть. Его руки гладили мои волосы, мои плечи, мою спину, его прикосновения были полны такой ласки, такой осторожной нежности, что у меня на глаза навернулись слезы.

Он медленно, почти благоговейно, начал расстегивать пуговицы на моем платье. Его пальцы дрожали, и я чувствовала, как его волнение передается мне. Платье соскользнуло с моих плеч, обнажая их. Венцеслав склонился и поцеловал сначала одно плечо, потом другое, его губы были горячими, чуть шершавыми. Я затаила дыхание, чувствуя, как по моей коже пробегают мурашки.

Мы встали и он помог мне снять платье целиком, и я осталась стоять перед ним в одном тоненьком нижнем белье, освещенная лишь призрачным лунным светом. Я чувствовала себя одновременно и беззащитной, и невероятно желанной. Венцеслав смотрел на меня так, словно я была произведением искусства, самым прекрасным, что он когда-либо видел.

«Ты... ты невероятная, Эсмירה», – прошептал он, его голос дрожал. – «Как лунная соната... такая же чистая, такая

же волнующая...»

Он опустился на колени передо мной и начал целовать мои ноги – от щиколоток, медленно поднимаясь все выше, к коленям, к бедрам. Его губы были нежными, но настойчивыми, они зажигали во мне огонь, который я так долго пыталась подавить. Я стояла, закрыв глаза, и только стонала от этого медленного, мучительного наслаждения.

Когда его губы достигли самого сокровенного, я вскрикнула и схватилась за его волосы. Его язык, умелый, настойчивый, творил со мной что-то невообразимое. Волны удовольствия, одна сильнее другой, накатывали на меня, заставляя изгибаться, дрожать, терять ощущение реальности.

Я никогда не испытывала ничего подобного. Это было не просто физическое наслаждение, это было мистическое слияние, постижение тайны собственного тела.

Он ласкал меня долго, самозабвенно, словно художник, создающий свой шедевр. И когда я уже была на грани, когда казалось, что еще мгновение – и я взорвусь от этого невыносимого, сладкого напряжения, он поднялся, быстро скинул с себя одежду и прижал меня к своему горячему, напряженному телу.

Его член, твердый, гладкий, уперся мне в бедро, и я почувствовала, как новая волна желания захлестывает меня. Он подхватил меня на руки, как перышко, и уложил на свою куртку, расстеленную на гальке, закинув мои ноги себе на плечи. Галька была прохладной, чуть колкой, и это ощущение

ние еще больше обостряло мои чувства.

Он навис надо мной, его глаза в лунном свете казались бездонными, полными какой-то почти болезненной нежности.

«Можно?» – прошептал он, и я только кивнула, не в силах произнести ни слова.

Он вошел в меня – медленно, осторожно, давая мне привыкнуть, прислушиваясь к каждому моему вздоху, к каждому стону. Это было похоже на танец двух тел, двух душ, ищущих друг в друге утешения и гармонии.

Он двигался во мне плавно, ритмично, его движения были полны какой-то особой, почти музыкальной красоты. Я смотрела в его глаза, и видела в них не только похоть, но и восхищение, преклонение, любовь. И я отвечала ему тем же – всем своим телом, всей своей душой.

Напряжение нарастало, волны удовольствия становились все сильнее, все выше. Я цеплялась за его плечи, мои ногти впивались в его кожу, я шептала его имя, смешивая его со стонами и вздохами.

И вот он, оргазм – не резкий, не обжигающий, а какой-то глубокий, всепоглощающий, как морская волна, которая накрывает тебя с головой и уносит в бездну блаженства. Я закричала, или мне только показалось, что закричала, и в этот же миг почувствовала, как его тело содрогнулось в последнем, сладком спазме.

Мы лежали так долго, обнявшись, не в силах пошевелить-

ся, слушая, как утихает буря в наших сердцах и как шумит море, вечный свидетель человеческих страстей.

Потом Венцеслав долго гладил мои волосы, целовал мои виски, шептал какие-то нежные, бессвязные слова. А я плакала – от счастья, от облегчения, от того, что наконец-то нашла эту тихую, нежную гавань для своей измученной души.

«Моя лунная соната...» – прошептал он, прижимая меня к себе. – «Моя Эсмира...»

Я заснула у него на груди, убаюканная шумом прибоя и биением его сердца. И это был самый сладкий, самый безмятежный сон в моей жизни. Сон, после которого я проснулась уже другой. Более смелой, более свободной, более... настоящей.

Я еще не знала, что принесет мне завтрашний день, какие еще испытания и искушения готовит мне это жаркое крымское лето. Но я знала одно – эта ночь, эта лунная соната у моря, навсегда останется в моей памяти, как самое прекрасное, самое волшебное, что когда-либо случилось со мной. И я была готова к продолжению. Какой бы ни была эта музыка.

Глава 3. Дикий Мёд

Утро после ночи с Венцеславом было похоже на пробуждение в незнакомой,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.